

УДК 94(47).084.8

«КАРЕЛЬСКИЕ КОСМОПОЛИТЫ»: ФИНСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В 1946–1953 ГОДАХ*

И. А. Никитина, И. Р. Такала

Петрозаводский государственный университет

На основании материалов Национального архива РК на примере Финского драматического театра рассматривается ход общесоюзной борьбы с космополитизмом и ее последствия для творческой интеллигенции советской Карелии. Выявляется республиканская специфика кампании и анализируется восприятие политических мероприятий деятелями культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: борьба с космополитизмом, Карелия, Финский драматический театр, финский язык, национальная интеллигенция, сталинизм, культурная политика.

I. A. Nikitina, I. R. Takala. "KARELIAN COSMOPOLITANS": FINNISH DRAMA THEATRE IN 1946–1953

Relying on documents from the National Archives of the Republic of Karelia, we consider the process of the all-Union anti-cosmopolitan campaign and its consequences for the artistic intelligentsia of Soviet Karelia through the example of the Finnish Drama Theatre. Regionally-specific features of the campaign are revealed, and the perception of political actions by people of culture is analyzed.

К e y w o r d s: anti-cosmopolitan campaign, Karelia, Finnish Drama Theatre, Finnish language, national intelligentsia, Stalinism, cultural policy.

«Враги трудящихся нередко пытаются оспаривать патриотизм сторонников коммунизма и социализма при помощи ссылки на их позицию международной солидарности трудящихся. Эта позиция изображается нашими противниками как космополитизм – безразличное и пренебрежительное отношение к отечеству. Это уже явная клевета. Коммунизм ничего общего с космополитизмом не имеет. Борясь под знаменем международной солидарности трудящихся, коммунистическое движение каждой страны, как передовое движение трудящихся масс, крепко стоит на отечественной почве.

Коммунизм не противопоставляет, а сочетает подлинный патриотизм и пролетарский интернационализм».

О. В. Куусинен, 1945 г.¹

В современной западной и отечественной историографии сталинская эпоха является одним из самых изучаемых периодов истории

¹ Статья О. В. Куусинена «О патриотизме» была опубликована в журнале «Новое время» под псевдонимом Н. Балтийский [Балтийский, 1945. С. 5]. Это было одно из первых разоблачений космополитизма в советской послевоенной риторике.

* Статья подготовлена в рамках проекта FENNICA Программы стратегического развития ПетрГУ.

СССР. Впечатляет разнообразие школ, методик, подходов и рассматриваемых аспектов. Вместе с тем приходится констатировать, что культурная политика послевоенного сталинизма, особенно на местах, изучена еще недостаточно, хотя, как отмечал один из исследователей этого вопроса Е. Добренко, именно послевоенное десятилетие стало «эпохой торжества беспрецедентной в русской истории ксенофобии» [Добренко, 2010].

Для советского общества это был апогей политизированной атаки на представителей интеллигенции различных творческих и научных профессий, обрушившейся на них рядом партийных постановлений, раздуванием громких дел и получившей название кампании «по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом». В условиях быстро меняющейся международной обстановки решение проблемы о месте СССР и стран Восточного блока в послевоенном мире требовало и внутривнутриполитических перемен, прежде всего изменения настроений и приоритетов в обществе. На фоне разворачивающегося мирового идеологического противостояния – холодной войны – и нарастающей политики изоляционизма СССР в стране снова начинаются поиски «внутренних врагов», теперь уже под лозунгами укрепления патриотизма и ценностей новой государственно-политической общности – советского народа. Целью кампании, проводившейся под руководством Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), было усиление идеологического контроля в обществе, которое для успешного противостояния империалистическому окружению должно было избавиться от возникших после войны, особенно в интеллигентской среде, прозападных симпатий. При этом власть, превратив интеллигенцию в козла отпущения, привычно и активно использовала ее же интеллектуальный потенциал для насаждения в обществе ксенофобии и ненависти к инакомыслию. Руководством к действию по очищению культуры от «тлетворного влияния Запада» стали Постановления ЦК ВКП(б) 1946–1948 годов («О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров», «О кинофильме «Большая жизнь» и «Об опере «Великая дружба»»), а также редакционная статья в «Правде» 1949 года «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», придавшая кампании уже откровенно антисемитскую направленность. И хотя «перегибы» в этой политике были отчасти осуждены уже в начале 1949 г. [Вдовин, 2007. С. 180], свернута она была только после смерти И. В. Сталина.

Проблемы взаимоотношений власти и творческой интеллигенции Москвы и Ленинграда во время идеологической кампании 1946–1953 гг. постоянно привлекают внимание исследователей, и многие из них подчеркивают прежде всего ее антисемитский характер [Фатеев, 1999; Вдовин, 2007; Добренко, 2010; Костырченко, 2010; Дмитриевский, 2013]. Нам представляется, что для полной картины происшедшего в стране явно недостает материалов с мест [из немногих исключений – Гижов, 2004; Генина, 2009], которые помогли бы ответить на следующие вопросы. Что происходило в культурной политике послевоенной советской провинции? Была ли у борьбы с космополитизмом местная, региональная специфика? Как эта кампания проводилась в национальных, особенно приграничных, регионах?

Развитию культуры Карелии в послевоенный период посвящены лишь несколько работ [Вавулинская, 2005; Адамович, 2005], которые пока видятся только первым шагом к глубокому осмыслению темы. В исследованиях общего характера [Нуутиä, 1999; История..., 2001] особенности культурной и национальной политики в Карело-Финской ССР также, на наш взгляд, проанализированы недостаточно.

В данной статье на примере Финского драматического театра¹ нам хотелось бы рассмотреть ход и местные особенности борьбы с космополитизмом в Карелии, что, с одной стороны, может расширить наши представления об эпохе позднего сталинизма, а с другой, должно помочь в дальнейшем осмыслении послевоенной специфики национальной и культурной политики в республике, имевшей тогда статус союзной.

Карело-Финская ССР, образованная после окончания Зимней войны по политическим соображениям, представляла собой феномен, заслуживающий отдельного внимания. Ее создание в марте 1940 г. из Карельской АССР, а затем изменение ее границ в 1944 г. после подписания мирного договора с Финляндией проводились с известными нарушениями как Конституций СССР, РСФСР, так и Конституции самой КФСР [Пашков, 1995]. Несмотря на название, доля национального населения республики (финны, карелы, вепсы) была очень небольшой: в 1953 г. она составляла 21,5 % от всего населения [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6226, л. 8]. Как отмечалось в документах Карельского обкома в 1959 году, этот показатель был самым низким по сравнению с любой другой нацио-

¹ Официальное наименование – Государственный Финский драматический театр, с октября 1932 по 1950 г.; с 1950 по 1956 г. – Государственный Карело-Финский драматический театр.

нальной республикой [НАРК, ф. П-3, оп. 12, д. 95, л. 6]. Тем не менее по Конституции КФССР финский язык оставался вторым официальным языком, наряду с русским, в национальных районах продолжали функционировать т. н. карело-финские школы, шла подготовка финноязычных кадров в высшей школе, издавались газеты, велись радиопередачи. Впрочем, национальная политика в области финского языка и культуры на протяжении рассматриваемого периода оставалась крайне противоречивой, а среди населения, даже национального, финский язык был непопулярен [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6226, д. 3739 и др.]. Это обуславливалось не только сильными различиями между используемыми в быту карельскими диалектами и литературным финским языком, но и последствиями войны и оккупации Карелии – для большинства населения послевоенной республики финский язык ассоциировался с языком врага [Такала, 2010. С. 26].

Неудивительно, что объектом идеологической кампании 1946–1953 гг. в Карело-Финской ССР стали прежде всего национальные творческие коллективы, работавшие на финском языке, а борьба с космополитизмом приобрела здесь не столько антисемитский, сколько антифинский характер. Финский драматический театр республики оказался одной из главных жертв этой кампании.

Финский драматический театр был создан в Петрозаводске в 1932 г. из выпускников Карельского отделения ленинградской Художественной студии (Рагнар Нюстрем, Дарья Карпова, Матвей Любовин, Тойво Ланкинен, Суло Туорила, Ирья Ремшуева, Нелли Бекман, Аниса Гардинина, Эмма Хиппелайнен, Санни Ларионова и др.) и труппы актеров-любителей, эмигрантов из США и Канады (Кууно Севандер, Калле Севандер, Ирья Вийтанен, Аларик Санделин, Олави Сиикки, Йоуко Роутту, Юрье Хумппи, Орво Бьорнинен и др.) [Никитин, 1967. С. 515; Sevander, 1993. Р. 71–90]. Театр сразу завоевал популярность у зрителя и начал быстро развиваться. Борьба с «финским буржуазным национализмом», развернувшаяся в республике с 1935 года, и Большой террор прервали это развитие: в 1937 г. театр был закрыт, репрессиям подверглась значительная часть труппы (режиссер Рагнар Нюстрем, актеры Яло Метсола, Юлиус Каллио, Тойво Ромппайнен, Суло Туорила, Кууно и Калле Севандеры, Ирья Вийтанен, Олави Сиикки, Виено Левянен, Аларик Санделин и др.) [Sevander, 1993. Р. 104; Takala, 2011. Р. 155–156]. Необходимость в театре, работавшем на финском языке, вновь возникла в 1940 году, после образования КФССР, и его восстановили; труппу сформировали из прежних актеров, уцелевших в годы репрессий.

Во время войны коллектив продолжал работать в эвакуации, а после войны был переведен не в разоренный Петрозаводск, а в Олонец. Особенностью олонецкого периода существования театра (1946–1949), помимо обычных послевоенных трудностей [см.: НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 1604], можно назвать культурную изоляцию, в которой он оказался, лишившись столичной площадки и широкого зрителя. Крайне негативно на работе труппы сказывалось и отсутствие возможности общения с творческой интеллигенцией Петрозаводска. Суло Туорила, режиссер театра, отмечал, что в этот период коллективу приходилось «вариться в собственном соку» [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 74, л. 39].

Пятилетний план развития карельского искусства (1946–1950 гг.) тем не менее предусматривал весьма амбициозные и трудновыполнимые в условиях восстановления послевоенного хозяйства цели: к концу пятилетки Финский драматический театр должен был переехать в Петрозаводск и стать музыкально-драматическим, со своим хором, балетом и солистами [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 74, л. 6]. Не менее серьезными были и планы по повышению «идейно-содержательного и воспитательного качества спектаклей» [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 74, л. 10], которые театру пришлось реализовывать в атмосфере постоянного усиления идеологического диктата.

Как известно, советские руководители всегда подчеркивали огромную роль литературы и искусства в области пропаганды. По мнению Сталина, театр, наряду с кино, был мощнейшим идеологическим инструментом по степени воздействия на массы. «Нам надо создать такую форму художественного и идейного воздействия на человека, – говорил он в 1932 г. на встрече с писателями-коммунистами, – которая позволила бы охватить многие миллионы людей. Такой формой является пьеса, театр» [Максименков, 2003]. Неудивительно, что кампания по борьбе с низкопоклонством и космополитизмом, инициированная сразу же после речи У. Черчилля в Фултоне (5 марта 1946 г.) и интервью Сталина газете «Правда» (14 марта), начинается именно с Постановлений ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 г.) и «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.) [Из постановлений..., 1953. С. 1028–1037]. В текстах этих постановлений был определен алгоритм, в соответствии с которым затем и выстраивалась кампания на всех уровнях партийной и советской власти: раскритиковать-напугать-направить. «Грубыми политическими ошибками» были объ-

явлены культивация несвойственного советским людям «духа низкопоклонства перед современной буржуазной культурой Запада», публикация в журналах и постановка на сцене «низкопробных» произведений, излишнее внимание театров к пьесам западных авторов в ущерб советским. Перед литературой и искусством была поставлена задача по созданию ярких произведений о жизни советского общества, о советском человеке, способном преодолевать любые трудности и верить в победу дела социализма. Комитету по делам искусств при Совете министров СССР предписывалось совместно с Правлением Союза писателей организовать в 1946–1947 гг. Всесоюзный конкурс на лучшие современные советские пьесы [Постановление..., 1953. С. 1033, 1035, 1037]. Конкурс так и не был проведен, но на призыв откликнулись многие писатели – К. Симонов и Б. Лавренев, Н. Погодин и А. Арбузов, Б. Ромашов и А. Штейн, С. Михалков и Н. Вирта [Гудкова, 2009].

На местах кампания разворачивалась медленно. В Карелии она осуществлялась под контролем Управления по делам искусств при Совете Министров КФССР, которое возглавлял С. В. Колосенок. Августовские постановления готовились задолго до их опубликования и имели посылы снизу [Власть..., 2000; Государственный антисемитизм..., 2005; Сталин..., 2005]. Это подтверждают и карельские документы. В «Пятилетнем плане восстановления и развития искусств КФССР на 1946–1950 гг.», обсуждавшемся на собрании республиканского актива работников культуры в июне 1946 г., государственный заказ предвосхищался весьма близкой риторикой. Театры, в частности, должны были обновить репертуар, ориентируясь на показ спектаклей «высокого идейного и художественного уровня, отражающих исторические победы нашей родины над германским фашизмом и японским империализмом, героизм Красной Армии и тыла, мобилизацию советского народа на восстановление народного хозяйства и дальнейший расцвет социалистической родины». Особое внимание следовало уделить созданию постановок на карело-финские темы [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 74, л. 10]. Финский драматический театр, поставивший в 1946 г. пьесы К. Симонова «Так и будет», Т. Паккала «На сплавной реке» и «Помолвку» А. Киви, вполне вписывался в означенную линию.

Началом же активной кампании борьбы с космополитизмом в Карелии можно считать 1947 год. 1 февраля республиканская финноязычная газета «Totuus» опубликовала статью А. Старогина о национальном театре, в которой автор «в свете решений ЦК ВКП(б) и доклада

тов. Жданова» подверг критике некоторые послевоенные постановки («Гроза» А. Островского, «Так и будет» К. Симонова) и работу новых художественных руководителей коллектива (С. А. Туорила и В. Э. Суни), «плохо знающих русский быт». При этом автор высказал мысль, что национальный театр в национальной республике должен находиться даже в лучшем, более привилегированном положении, чем обычный русский театр, ибо его миссия – «возглавлять драматическое искусство в союзных республиках». Сравнивая прозябавший в Олонце Финский драматический театр с театрами других союзных республик, критик пришел к выводу, что карельский коллектив таких высот пока не достиг [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 2612, л. 13–17]. Судя по реакции театра – труппа была возмущена публикацией, назвав в ответном письме в редакцию критику «клеветнической», искажающей действительность [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 2612, л. 8–11], – в республике многие еще не понимали всей серьезности происходящего. В апреле 1947 г. на совещании работников литературы и искусства в Петрозаводске театр снова был обвинен в неуместном пристрастии к русской и зарубежной классике: лишь две из шести идущих на его сцене пьес принадлежали перу советских драматургов [НАРК, ф. 2150, оп. 1, д. 76, л. 17].

Необходимость изменений в репертуарной политике сначала вызвала протесты со стороны режиссеров Русского и Финского драматических театров, не сразу согласившихся ставить некоторые из навязываемых Управлением по делам искусств пьес (например, Н. Вирты «Хлеб наш насущный» и «Заговор обреченных», А. Софронова «Московский характер», А. Сурова «Зеленая улица»). Требовалась определенная смелость, чтобы отвергать произведения, удостоенные Сталинских премий, но «нежелательные настроения среди режиссеров» вскоре были подавлены, и театры меняют репертуар [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 12, л. 37]. Финскому драматическому театру было сложнее, чем Русскому, – перевод на финский язык новой отечественной драматургии требовал времени и сил. В 1947 г. на сцене Финского драматического театра были поставлены пьесы «За тех, кто в море» Б. Лавренева, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «За Камой-рекой» В. Тихонова и «День отдыха» В. Катаева (две последние – на русском языке) [Nikitin, 1989. S. 46].

Усиление «советизации» репертуара должно было достигаться и за счет включения в него пьес на местную тематику. Для союзных и автономных республик это означало и расширение тематики национальной. Карельскими властями

был объявлен конкурс на написание пьес из жизни карело-финского народа – «лесорубов, бумажников, других промышленников и патриотов своей республики» [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 12, л. 4]. Создание национальных пьес оказалось для местных драматургов очень сложной задачей: большинство произведений Управление по делам искусств забраковало из-за их малохудожественности, примитивного сюжета, неправдоподобности и оторванности от жизни. Писателям ставились в упрек плохое знание условий жизни людей в Карелии и местной специфики [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 12, л. 25]. В результате в 1947–1953 годах на сцене Финского драматического театра была поставлена только одна пьеса на карельскую тематику – «Огни Марикоски» Яакко Ругоева (1947 г.), рассказывавшая о восстановлении послевоенной деревни [Tuorila, 1976. S. 71–72].

В 1948 г. Финский драматический театр продолжает ставить современные пьесы на темы великого будущего великой страны, в которых уже появляется и антиамериканская проблематика («Могучая сила» Б. Ромашова). При этом, сохраняя традиционную ориентацию на финскую классику, предлагает зрителю две другие премьеры: «Семеро братьев» А. Киви и «Молодого мельника» М. Лассила. Советская драматургия занимала уже 70 % репертуара, что полностью соответствовало требованиям Управления [см.: НАРК, ф. П-447, оп. 1, д. 5, л. 21], но теперь театр начинают критиковать за преобладание на сцене «низкопробных, малохудожественных, фальшивых пьес, искажающих образ советского человека» [НАРК, ф. Р-243, оп. 1, д. 12, л. 20]. Собственно, это и предсказывали сопротивлявшиеся новой репертуарной политике карельские режиссеры: шаблонность, примитивность сюжетов многих современных отечественных пьес вели к падению интереса и оттоку зрителей. Снижение популярности театрального искусства, не отвечавшего более ценностным и художественным запросам людей, стало в этот период общей тенденцией для страны [Дмитриевский, 2013. С. 298].

Сложной задачей для театров оказалось и требование сочетать в репертуаре патриотизм и интернационализм. «Интернационализм в искусстве, – говорил А. Жданов в 1948 г. на совещании деятелей советской музыки, – рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину – означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродным космополитом» [Жданов, 1951. С. 72]. Эта своеобразная формула – интернациона-

лизм как высшее проявление патриотизма – многим была непонятна, но ею нужно было руководствоваться. Для творческой интеллигенции пограничной Карелии проблема заключалась и в том, что борьбу с «тлетворным влиянием Запада» необходимо было вести с учетом внешнеполитической риторики властей о дружбе с соседней Финляндией (Договор 1948 г.). Вписаться в эту «линию сочетания патриотизма с международным сотрудничеством», к чему призывал руководитель республики О. В. Куусинен [Балтийский, 1945. С. 6], было непросто.

Тема отношений с Финляндией всегда присутствовала на сцене Финского драматического театра, теперь она должна была высвечиваться сквозь призму национального и жизнеутверждающего «карело-финского» искусства. С созданием произведений о достижениях республики, как уже отмечалось, дело двигалось с трудом, критиковать соседнюю страну в новых условиях можно было лишь с большой долей осторожности, поэтому оставалось пропагандировать дух Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи СССР с Финляндией. В 1948 г. на сцене Финского театра был поставлен спектакль «Ветер с юга» по одноименной повести Эльмара Грина (Сталинская премия 1947 г.). Прозрение финского батрака Эйнари Питкяниеми, всю жизнь гнувшего спину перед хозяином, олицетворяло собой пробуждение всех угнетенных народов капиталистического Запада, вдохновленных примером народов СССР. В акте приема этого спектакля отмечалось, что «Россия – друг финского народа, и только она поможет ему в осуществлении его чаяний и надежд на переустройство социальных отношений в послевоенной Финляндии» [НАРК, ф. 3065, оп. 1, д. 2/30, л. 10]. Постановка имела большой общественный резонанс, посмотреть спектакль в Олонец приезжал народный артист СССР Николай Черкасов, высоко оценивший эту работу театра. Переводчик и режиссер-постановщик пьесы Вальтер Суни, актеры Елизавета Томберг и Тойво Ланкинен были удостоены Сталинской премии третьей степени (1950 г.), Тойво Ромппайнен, исполнивший роль Эйнари Питкяниеми, получил звание народного артиста республики [Nikitin, 1989. S. 45]. Тема борьбы за мир и советско-финляндской дружбы раскрывалась и в пьесе Ульяса Викстрема «Новые друзья» (1950 г.).

Проблема поиска национальной пьесы еще острее встала перед театром на рубеже 1940–50-х годов, после возвращения в Петрозаводск, где условия для работы оказались даже хуже, чем в Олонце. Произведения финляндских писателей были важной составляющей репертуара с момента основания театра, однако такая постановочная

политика (в 1949 г. был поставлен «Куллерво» А. Киви, в 1951-м – «Воскресший из мертвых» М. Лассила) становилась все более опасной. Считается, что апогеем кампании по борьбе с космополитизмом стала передовица «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», опубликованная в газете «Правда» 28 января 1949 г., после чего она пошла на спад, трансформировавшись в антисемитскую кампанию [Вдовин, 2007. С. 180]. В Карелии же борьба с «низкопоклонством и космополитизмом» в это время лишь начинала нарастать и достигла своей кульминации в 1952 г. По мере развития она все отчетливее обретала антифинскую окраску.

30–31 марта 1949 г. в Петрозаводске состоялось собрание работников литературы и искусства, на котором с докладом о «вредоносной деятельности антипатриотической группы космополитов» выступил секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР И. И. Цветков [Вытравить следы..., 1949. С. 86]. Проявления космополитизма были выявлены уже во многих творческих и научных организациях республики. Руководство Финского театра было раскритиковано за увлечение произведениями финских писателей, чье творчество «чуждо советскому зрителю по своему идейному содержанию» [История..., 2001. С. 747]. Интересно, что критиковался при этом спектакль «Нора», поставленный в 1944 году по пьесе «Кукольный дом» норвежского драматурга Генрика Ибсена.

В начале 1950-х нападки на театр в прессе и контроль со стороны партийных и советских органов все больше ужесточаются. Вместе с тем анализ текстов того времени (от постановлений ЦК до протоколов партийных собраний театра) производит странное впечатление. С одной стороны, в Карелии исправно выполнялись установки партии и правительства по критике космополитизма. С другой, вся риторика этих текстов была какой-то вялой, шаблонной, настойчивой в своих повторах, но не агрессивной, скорее формальной. Никаких особых оргвыводов по отношению к критикуемым не делалось, сами они тоже не спешили заняться саморазоблачением. В 1951 г. успешно прошли гастроли Финского театра в Москве, где столичному зрителю наряду с русской и советской классикой («Васса Железнова» М. Горького, «Беспокойная старость» Л. Рахманова) были показаны «Ветер с юга» Э. Грина, «Новые друзья» У. Викстрема, «Семеро братьев» А. Киви и «На сплавной реке» Т. Паккала. Каждый из спектаклей по произведениям финских авторов шел по четыре раза, что составило половину всех гастрольных показов [Nikitin, 1989. S. 47; Huutiä, 1999. S. 157].

Однако гастроли стали тем поворотным моментом, который резко активизировал политику властей в отношении театра. В статье «Правды», подводившей итоги гастролей (22.08.1951), было раскритиковано отсутствие в программе постановок, рассказывающих о жизни самой Карелии. Статья имела симптоматичное название «Ближе к жизни своей республики», автор скрылся за псевдонимом Кирьянен. Карельские власти не могли на это не реагировать, к критике подключились газета «Totuus» [Huutiä, 1999. S. 157] и журнал «На рубеже» [Херсонский, 1951].

В 1952 г. последовал уже целый ряд специальных постановлений высших партийных органов республики, которые носили вполне «погромный» характер. В феврале вопрос о репертуаре драматических театров рассматривался на бюро ЦК партии КФССР [Вавулинская, 2005. С. 153]. Секретарь ЦК И. М. Петров недвусмысленно предостерег творческих работников от повторного «сползания на позиции буржуазного национализма» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 67]. В апреле в передовице «Правды» «Преодолеть отставание драматургии» Карело-Финский театр Петрозаводска обвиняется в пристрастии к низкопробной финляндской литературе. В мае на совещании работников культуры Карелии зав. отделом литературы и искусства ЦК В. А. Новицкий громит постановку «Куллерво» [Huutiä, 1999. S. 149]. Летом 1952 г. кампания вступает в фазу кадровых чисток: в июле ЦК КП(б) КФССР принимает по этому поводу специальное постановление [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 84]. Обвинения в адрес театра и финской классической драматургии высказывались порой самые нелепые, например, что такие пьесы, как «Куллерво», фактически «пропагандируют мистику самоубийства и идеи человеконенавистничества», а герои романа «Семеро братьев» были «родоначальниками шюцкоровского движения» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 17]. Однако смена риторики была налицо – в адрес финноязычной творческой интеллигенции вновь зазвучали упреки в «финском буржуазном национализме».

Этот поворот не остался незамеченным и вызвал смятение среди финнов республики – в нем они увидели аналогии с событиями 1930-х годов. Тем не менее некоторые еще пытались сопротивляться нарастающему давлению. Известные в республике писатели Антти Тимонен и Ульяс Викстрем подготовили письмо в редакцию газеты «Правда», назвав его «Против вулгаризации наследия прошлого» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 10–25]. В нем авторы указывали, что, создавая образы «Куллерво» и «Семе-

рых братьев», Алексис Киви был вдохновлен сюжетами карело-финского эпоса «Калевала», в которых герои выступали против рабства и угнетения, и в его пьесах воспеты труд, народ и светлые идеалы. Партийные органы республики, по их мнению, извратили содержание классической финской драматургии, вырвав отдельные куски произведений из контекста для превратного их анализа и толкования. Тимонен и Викстрем назвали это «левацким насаском» на народное творчество и высказали недоумение по поводу того, что классическую литературу какой-либо страны можно именовать «так называемой» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 17, 20]. Письмо обсуждалось на заседании бюро ЦК компартии республики в сентябре 1952 года. Авторы обвинили в некритическом отношении к культуре буржуазного государства и попытках сделать эту чужую культуру основой для развития национального карело-финского искусства [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 66–67; Вавулинская, 2005. С. 154]. В решении бюро, подготовленном О. В. Куусиненом, говорилось, что Тимонен и Викстрем «не вполне понимают ленинско-сталинское учение о социалистической культуре и поэтому сами скатываются на позиции буржуазного национализма» [Hyttiä, 1999. S. 149]. Писателям были вынесены строгие выговоры по партийной линии, Антти Тимонен смещен с поста председателя Союза писателей Карелии.

До судов чести [см.: Есаков, Левина, 2005] дело в республике не дошло, но практика самоосуждений и покаяний конца 1930-х годов на какое-то время возвращается. В ноябре 1952 г. на собрании парторганизации Финского драматического театра собственные репертуарные ошибки и «политическая близорукость» были осуждены, а февральские решения ЦК партии республики одобрены как «правильные и своевременные». Было принято решение охватить весь творческий состав системой политической учебы и серьезно подумать о воспитательной работе в труппе, «особенно среди членов коллектива, родившихся за границей» [НАРК, ф. П-447, оп. 1, д. 9, л. 63]. По мере разворачивания кампании в труппе действительно нарастали антисоветские и эмиграционные настроения [НАРК, ф. П-447, оп. 1, д. 3, л. 11]. Поводов для этого было достаточно: помимо обычных бытовых трудностей (актеры называли свой коллектив в те годы «цыганским табором» [НАРК, ф. П-447, оп. 1, д. 7, л. 30]) финны все чаще сталкивались с прямой дискриминацией по национальному признаку, такой, например, как проблемы с пропиской во время командировок или гас-

ролей. Людям приходилось скрывать знание финского языка, который, по словам актрисы Дарьи Карповой, хоть и не был запрещен, но снова оказался «на положении репрессированного» [Крохина, 1992. С. 2].

Управление по делам искусств пристально следило за коллективом, почти на сто процентов состоявшим из финнов и карелов (в 1953 г. из 38 человек творческого персонала только двое были русскими [НАРК, ф. Р-2994, оп. 1, д. 5/29, л. 49]). На волне нараставшей антиамериканской кампании наличие в труппе эмигрантов из США вызывало еще большие подозрения. В марте 1951 года после спектакля «Новые друзья» прямо в театре был арестован Эйно Прюкя, приехавший в Карелию с родителями из США в 1931 году. Во время войны молодого актера, знавшего несколько языков (русский, финский, английский, шведский), использовали для выполнения разведывательных заданий в Финляндии, где он попал в плен. После заключения перемирия в 1944 г. Прюкя провел два года в фильтрационном лагере для военнопленных, затем вернулся в Финский театр. Коллеги-актеры вспоминали его как очень талантливого и яркого актера, сыгравшего несколько главных ролей. Эйно Прюкя был обвинен в шпионаже («переход на сторону врага») и погиб в Воркутлаге во время восстания заключенных 1953 года [НАРК, ф. Р-2150, оп. 4, д. 302, л. 1–4; Rislakki, 2013. S. 13–42]. Это была не только политическая, но и устрашающая акция, призванная запугать недовольных. Страх в коллективе действительно нарастал, и основной стратегией выживания большинства актеров, особенно старшего поколения, хорошо помнившего ужасы 1930-х годов, стало в то время не сопротивление, а демонстрация, хотя и весьма сдержанная, лояльности режиму.

Кульминацией кампании стал целый ряд мер руководства республики по изъятию из широкого обращения финской классической литературы, признанной враждебной и буржуазной: эти произведения исключили из программ всех учебных заведений, запретили упоминать в печати и радио [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 5867, л. 51; д. 6215, л. 85]. Репертуар Финского драматического театра был окончательно «очищен от идейно чуждых пьес финляндской драматургии» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 89], оборудование текущих спектаклей демонтировали [НАРК, ф. Р-2150, оп. 2, д. 269, л. 201]. Произведения финляндских писателей, которые, по словам Суло Туорила, теперь приходилось «прятать за пазухой и читать под одеялом» [НАРК, ф. П-447, оп. 1, д. 12, л. 45], вернулись в театр лишь в 1956 г.

Одновременно претворялись в жизнь июльские решения ЦК по работе с кадрами. На руководящую работу в финских творческих коллективах выдвигаются «проверенные, выращенные в республике молодые национальные кадры, оправдавшие себя на практической работе» [НАРК, ф. П-8, оп. 1, д. 6215, л. 86]. Руководителем Финского театра был назначен Эско Кивиниemi, десять лет до этого проработавший в министерстве госбезопасности республики [Hyutiä, 1999. S. 158]. Правда, в кадровой политике 1952 г. были и некоторые позитивные моменты. Для подготовки актеров при Ленинградском государственном театральном институте была создана карело-финская драматическая студия, и к занятиям приступили 14 юношей и девушек из Карелии, в числе которых были Тойво Хайми, Паули Ринне, Вилльям Халл [Hyutiä, 1999. S. 158].

Постепенно кампания была тихо свернута, последним ее отголоском стала статья в газете «Totuus» от 26 мая 1953 г., вновь напомнившая читателям о «грубых политических ошибках» Тимонена и Викстрема. Никаких политических последствий статья не имела, однако страх в среде финноязычной интеллигенции сохранялся еще долго [Mašin, 2008. S. 55–58].

Таким образом, говоря о карельской специфике кампании по борьбе с космополитизмом, следует прежде всего отметить ее антифинскую направленность. Она проводилась в основном в отношении творческой гуманитарной финноязычной интеллигенции, занимавшейся проблемами литературы и фольклора Карелии. Кампания носила форму идеологической обработки, прямые репрессивные акты были редки, развивалась она медленно, с большим отставанием и была достаточно кратковременной. Сами термины «космополиты», «космополитизм» почти не встречаются в республиканских партийных документах, особенно низового уровня, зато активно использовались лексические шаблоны 1930-х годов. Слабо была выражена антиамериканская риторика, которую заменили на антифинскую. Многие из происшедшего в республике в эти годы весьма сходно с тем, что наблюдалось в других российских регионах [Гижов, 2004; Генина, 2009] – отставание кампании по времени, определенная поверхностность, формальность пропагандистских акций, незначительность кадровых чисток.

В современных отечественных исследованиях об идеологической кампании 1946–53 гг. пишут по-разному. Некоторые авторы разделяют ее на несколько частей (1946–1949 гг. – борьба с космополитизмом, 1949–1953 – политика антисемитизма), разнятся датировки пе-

риодов, объяснение их причин и целей. Нам представляется, что вполне правомерно говорить о единстве и целостности политики идеологического террора позднесталинского периода. Задачи и механизмы реализации этой политики, в какую бы сторону она ни была направлена – литература, искусство, наука, – были одинаковы и подчинены единой цели: производству нового человека, советского гражданина, обладающего истинными человеческими ценностями (патриотизм, самоотверженность, верность идеалам) и готового продолжать терпеть любые трудности ради светлого завтра. По окончании сталинской эпохи эта политика в области идеологии, культуры, науки никуда не исчезла и продолжала развиваться, обретая лишь более гуманные и гибкие формы.

Источники и литература

Адамович И. В. Власть и художественная интеллигенция Карелии в 1950-е – первой половине 1960-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2005. 258 с.

Балтийский Н. О патриотизме // Новое время. 1945. № 1. С. 3–10.

Вавулинская Л. И. Театр и цензура в Карелии в послевоенные годы // Цензура в России: история и современность: сб. науч. трудов. Вып. 2. СПб., 2005. С. 150–157.

Вдовин А. «Низкопоклонники» и «космополиты» // Наш современник. 2007. № 1. С. 173–183.

Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917–1953 / Сост., вступ. ст., примеч. А. Н. Артизова, О. В. Наумова. М.: МФД, 2000. 524 с.

Вытравить следы влияния космополитизма // На рубеже. 1949. № 4. С. 84–90.

Генина Е. С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Кемерово, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/kampaniya-po-borbe-s-kosmopolitizmom-v-sibiri> (дата обращения: 4.02.2014).

Гижов В. А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (по материалам Саратовской и Куйбышевской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 22 с.

Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. Г. В. Костырченко. М.: МФД; Материк, 2005. 592 с.

Гудкова В. «Многих этим воздухом и просквозило...»: Антиамериканские мотивы в советской драматургии (1946–1954) // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/gu15.html> (дата обращения: 8.02.2014).

Дмитриевский В. Н. Театр и зрители. Отечественный театр в системе отношений сцены и публики. Советский театр 1917–1991. М.: Канон, 2013. 696 с.

Добренко Е. Сталинская культура: скромное обаяние антисемитизма // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/101/do4.html> (дата обращения: 10.01.2014).

Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести»: Дело КР. М.: Наука, 2005. 440 с.

Жданов А. А. За большевистскую идейность. Рига: Латгосиздат, 1951. 130 с.

Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. О журналах «Звезда» и «Ленинград» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1953. С. 1028–1031.

История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.

Костырченко Г. Сталин против «космополитов»: Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.

Крохина Е. Крона и корни: Национальному театру Карелии – 60 лет // Север. курьер. 1992. 22 окт.

Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/4/maksim.html> (дата обращения: 8.02.2014).

Национальный архив Республики Карелия (в тексте – НАРК).

Никитин П. Карельский театр // История советского драматического театра. Т. 3. 1926–1932. М.: Наука, 1967. С. 512–515.

Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 января.

Пашков Е. КАССР – Карело-Финская ССР – КАССР – РК. О государственно-правовом статусе нашей республики // Север. курьер. 1995. 24 окт.

Постановление ЦК ВКП(б) от 26 августа 1946 г. О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1953. С. 1032–1037.

Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М.: МФД; Материк, 2005. 768 с.

Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 30 с.

Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999. URL: <http://psyfactor.org/lib/fateev6.htm> (дата обращения: 4.02.2014)

Херсонский Х. Правда жизни – прежде всего (к гастроллям Карело-Финского театра в Москве) // На рубеже. 1951. № 10. С. 62–68.

Hyttiä O. Karjalais-Suomalainen Neuvostotasavalta, 1940–1956 – Kansallinen tasavalta? Helsinki: SHS, 1999. 210 s.

Mašin V. Katkeraa kautta // Carelia. 2008. N 8. S. 55–58. URL: <http://carelia.rkperiodika.ru/2008-03/55.html> (дата обращения: 4.02.2014).

Nikitin P. Vallankumouksen synnyttämä teatteri. Petroskoi: Karjala, 1989. 103 s.

Rislakki J. Vorkuta! Vankileirin kapina ja sen suomalaisen johtohahmo. Helsinki: WSOY, 2013. 416 s.

Sevander M. Red Exodus: Finnish-American Emigration to Russia. Duluth: OSCAT, 1993. 232 p.

Takala I. The Great Purge // Victims and Survivors of Karelia. Special Double Issue of Journal of Finnish Studies. 2011. Vol. 15. Is. 1, 2. P. 152–166.

Tuorila S. Matkan varrelta. Muistelmia. Petroskoi: Karjalakustantamo, 1976. 142 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Никитина Ирина Алексеевна

соискатель кафедры истории стран Северной Европы, Петрозаводский государственный университет, исторический факультет пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910 эл. почта: irina-nikitina88@mail.ru тел.: 89114199717

Такала Ирина Рейевна

доцент кафедры истории стран Северной Европы, к. и. н. Петрозаводский государственный университет, исторический факультет пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910 эл. почта: irina.takala@onego.ru тел.: 89114065873

Nikitina, Irina

Petrozavodsk State University
33 Lenin Av., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: irina-nikitina88@mail.ru
tel.: 89114199717

Takala, Irina

Petrozavodsk State University
33, Lenin Av., 185910 Petrozavodsk,
Karelia, Russia
e-mail: irina.takala@onego.ru
tel.: 89114065873